Авдонин Александр Николаевич

ЭКОГУМАНИТАРНЫЙ "ПОВОРОТ" К КОЭВОЛЮЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье на основе взаимодействия западной и восточной цивилизаций исследуются социально-социальные и социально-природные глобальные проблемы современности, предлагается спектрально-волновая модель перехода к коэволюционному мировому сообществу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 10-16. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 141.7:502.1

В статье на основе взаимодействия западной и восточной цивилизаций исследуются социально-социальные и социально-природные глобальные проблемы современности, предлагается спектрально-волновая модель перехода к коэволюционному мировому сообществу.

Ключевые слова и фразы: западная и восточная цивилизации; коэволюционный «коридор»; спектр и волна; спектрально-волновая модель современного исторического процесса; экогуманитарный, коэволюционно-императивный вопрос; экогуманитарное коэволюционное общество.

Александр Николаевич Авдонин, д. филос. н., доцент
Кафедра философии
Уфимский государственный нефтяной технический университет
anavdonin@mail.ru

ЭКОГУМАНИТАРНЫЙ «ПОВОРОТ» К КОЭВОЛЮЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ©

Человечество издавна мечтало об идеальном обществе. Всю его жизнь наиболее блестящие человеческие умы были недовольны его текущим состоянием: хорошим или отвратительным, удовлетворительным или неудовлетворительным – но никогда не совершенным. В древности эта мечта отлилась в идею «золотого века», который с тех пор пессимисты помещали в далекое прошлое, а оптимисты – в отдаленное будущее. В эпоху Нового времени идеальное общество, в виде утопии, передвинулось в будущее и приблизилось к текущему состоянию общества. Накануне XX века появилось материальное основание будущего общества: произошло изобретение первых автомобилей и самолетов, возникновение серийного промышленного производства, предвещая всем людям материальный достаток и огромные, невиданные ранее, возможности освоения пространства и времени. Казалось, еще одно усилие – и желаемое будущее осуществится. С возникновением и быстрым распространением марксизма идеал превратился в цель непосредственной революционно-практической деятельности. Правда, был и другой голос – голос А. А. Блока: «XX век… еще бездомней, еще страшнее жизни мгла (еще темнее и огромней тень люциферова крыла)… И черная, земная кровь сулит нам, раздувая вены, все разрушая рубежи, неслыханные перемены, невиданные мятежи» [2, с. 305-306].

Как ни странно, сбылось и то, и другое. Серийное промышленное производство, став конвейерным, создало в развитых странах общество массового материального производства и потребления, а победа социалистической революции 1917 г. в России и национал-социализма в Германии оказалась прологом ко Второй мировой войне, которая перешла в холодную войну между миром капитализма и появившимся миром социализма. С изобретением ядерного оружия в конце Второй мировой войны человечество впервые ощутило возможность смерти от собственных рук.

И тем не менее, на наш взгляд, мы сейчас ближе, чем когда-либо раньше, к достижению если не идеального, то удовлетворительного или хорошего существования и развития человечества.

Рассмотрим сначала общее и конкретно-историческое положение дел в теории и на практике. Марксистская формационная концепция в середине XIX века дифференцировала социально-историческую реальность на пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. На горизонте было лишь одно «облачко», не укладывавшееся в эту «стройную и единственно верную» концепцию: азиатское общество с элементами всех докапиталистических формаций. Падение советско-социалистического режима сопровождалось критикой формационной концепции типологии социально-исторической реальности [5, с. 20-27; 6, с. 86-90], обнаружением утопического характера полного коммунизма. Если в формационном понимании общества фактически в центре внимания находились производительные силы и производственные отношения, простыми функциями которых оказались люди, то сейчас на первый план выдвигается личностный фактор, доминирует идея о том, что в основе социально-исторической реальности лежат два фундаментальных аспекта: вещный, объектный, и личностный, субъектный [6, с. 12-28]. Причем личностному фактору принадлежит ведущая, активная роль не на словах, а на деле; поэтому ему должны быть предоставлены условия, способствующие выявлению и развитию дарований и творческих сил составляющих его конкретных людей.

Цивилизационно-культурная концепция типологии общества, связанная с именами Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби, учитывает личностный фактор, существенное значение духовной культуры, но настаивает на жесткой локальности выделяемых ею форм бытия общества, на их изолированности. Преодоление этого недостатка особенно важно в наше время, когда над самим существованием человечества нависли глобальные угрозы: термоядерная, экологическая, ресурсная, демографическая и другие; когда для эффективного их решения требуется всеобщее единство человечества. Возникает, следовательно, необходимость в глобальной типологии социально-исторической реальности. Такая типология, как ни странно, была создана автором формационной концепции общества – К. Марксом. С одной стороны, им выделяется общество личной зависимости, в котором социальная мощь принадлежит одним лицам как власть над другими людьми, а производительные силы развиваются лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах; с другой – общество вещной зависимости, в котором социальной мощью обладают вещи (деньги, капитал), но именно поэтому люди лично свободны

© Авдонин А. Н., 2012

по отношению друг к другу. Правда, ему не удалось избавиться от утопического предположения о том, что освобожденный от личной зависимости труд людей создает систему всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций [9, с. 100-101].

По существу, ту же глобальную оппозицию можно выявить в цивилизационно-культурной концепции. Опираясь на идеи К. Маркса [9] и К. С. Ситарама, Р. Т. Колделла [14], можно выделить в основе западной формы социально-исторического бытия: отношения частной собственности на средства производства, примат личной свободы, индивидуализм, право, рациональность, прагматичность, научно-технический прогресс и преобразование внешнего мира. Действительно, если в обществе господствует частная собственность на средства производства, то единственной экономической связью между лично независимыми товаропроизводителями становится рыночная связь. Свободные от лично-экономической зависимости люди формируют в организационно-социальной сфере своего бытия либеральную и демократическую политическую систему. Экономическое неравенство дополняется индивидуальным и политическим правовым равенством. В основе же восточной формы социального бытия лежат: отношения государственной собственности на средства производства, ограничение личных свобод, коллективизм, мораль, душевность, духовность, циклическое развитие и преобразование внутреннего мира человека. Государственная собственность на средства производства становится основанием для создания бюрократической системы управления обществом. Ведь государство представляет собой иерархически организованное чиновничество, коллективно владеющее средствами производства. В неклассическом, социалистическом виде восточное общество стремится вопиющее политическое неравенство компенсировать стремлением к экономическому равенству.

Значит, и с марксистской, и с немарксистской точки зрения правомерно говорить о *двух мегаформах* социального бытия: западной и восточной. Марксистская формационная концепция описывает развитие западной мегаформы общественной реальности. Формационные стадии ее развития: первобытный строй, рабовладельческое общество, феодализм и капитализм – частично соответствуют типам традиционного, индустриального и постиндустриального общества, выделенным немарксистской концепцией технологического детерминизма. Значит, тезис о разделении человеческого социума на западное и восточное общество есть тот *общий инвариант* глобально-дифференциальных концепций, который *выдерживает* интерконцепционную социально-практическую *проверку*. Правда, цивилизационно-культурная концепция охватывает и западное, и восточное общество, но в ней, в силу отрицания глобального единства всемирно-исторического процесса, нет запрета на односторонне-полярный вариант глобализации.

Таким образом, на общем уровне социальной теории речь идет о двух цивилизациях, западной и восточной, в то время как на конкретно-историческом уровне речь шла о столкновении западного и восточного общества, в авангарде которого находилась мировая система социализма.

С падением коммунистического режима в странах системы мирового социализма и распадом Советского Союза, казалось, закончилось глобальное противостояние, угрожающее существованию человечества коллективным самоубийством, и человечеству можно было вздохнуть спокойно. Не тут-то было. Запад одержал победу в холодной войне и – для надежности – окружил Россию враждебными ей режимами. Кроме того, убедив себя в том, что он-то и есть «светлое будущее всего человечества», Запад стал агрессивно навязывать свое устройство общества всем другим странам, проводить в жизнь *вест*-вариант объединения человечества, в том числе с помощью военной силы, например в Ираке. Не прошло, однако, и десяти лет после окончания холодной войны, как в Нью-Йорке «грянули первые залпы» новой глобальной войны – войны международного терроризма с Западом. Причем удар по Америке был нанесен теми, кого выпестовали сами американцы для борьбы с Советским Союзом в Афганистане. Началась долгая и явно бесперспективная война США и НАТО в Афганистане, обострились политические отношения Запада с быстро развивающимся Китаем и исламским Ираном. Так что концепция столкновения цивилизаций С. Хантингтона является эмпирическим обобщением реализуемого Западом *вест*-варианта глобализации, направленного на полную ликвидацию восточной формы социального бытия и встречающего жесткий отпор со стороны восточной мегацивилизации, за которым снова забрезжила перспектива конца света для всего человечества.

К сожалению, реальные события последних лет свидетельствуют о том, что отношения между Западом и Востоком продолжают обостряться. Причем инициатива обострения находится не только на стороне воинствующих фундаменталистов Востока, но и воинствующих западных радикалов: то газетный художник публикует оскорбительные для мусульман карикатуры на пророка Мухаммеда, то столь же ретивый протестантский проповедник совершает покушение на священную для ислама книгу Корана, подливая масло в огонь глобального конфликта, вызвав бурю возмущения во всех мусульманских странах. Удивляет реакция западных властей. Канцлер Германии Ангела Меркель лично награждает датского художника Курта Вестергаарда за оскорбительные карикатуры на пророка Мухаммеда европейской премией «M 100 Prize» с формулировкой «за вклад в дело защиты свободы слова и демократии» [12]. Иными словами, датского художника наградили премией «за вклад» в дело движения к самоуничтожению человечества. В конкретно-историческом плане такие действия приводят к дополнительным жертвам в зонах военных столкновений, а в глобально-историческом – к концу человеческого рода.

Впрочем, политические лидеры Запада в радикализме не отстают от крайних представителей средств массовой информации и религии. И не отстают они в плане *практического* продвижения *вест*-варианта глобализации. С конца 2010 – начала 2011 года в арабском мире идет волна открытой борьбы с деспотическими режимами в своих странах. Западные политические круги под лозунгами борьбы за права человека и демократию включились в идеологическую, организационную, экономическую, политическую и военную поддержку оппозиции, но как-то избирательно. Оппозицию режимам Бахрейна и Саудовской Аравии старательно обходят стороной, а оппозиции властям Сирии и Ливии оказывают мощную, вплоть до военного участия, поддержку. Свет

на эту странность в политической деятельности Запада проливают откровения Пола Крейга Роберта, бывшего заместителя министра финансов США в администрации Р. Рейгана. Он прямо говорит: «Активная западная поддержка арабской оппозиции на самом деле направлена против интересов Китая и России в Африке и на Ближнем Востоке, а вовсе не за права человека и демократию. В руководящих кругах Китая не читают *New York Times* или *Washington Post* и не верят всему этому дерьму. Они видят лишь действия Америки, направленные против Китая. Я думаю также, что русские начинают понимать, что события в Сирии направлены против них и их базы» [13]. Интересно то, что *до* дипломатической и военной поддержки «повстанцев» средства массовой информации Запада сообщили: войска ливийского лидера М. Каддафи совершили массовое насилие над женщинами, подвергали массированным бомбежкам города и села «повстанцев». Кроме того, сообщили, что на его стороне сражаются наемники из центральной и западной Африки. Советник по вопросам гуманитарного реагирования *Amnesty International* Донателла Ровера после трехмесячного пребывания в Ливии заявила об отсутствии и того, и другого, и третьего [16]. Комментарии, как говорится, излишни.

В обостряющейся глобальной ситуации политика больших государств состоит в максимальном отдалении возможного военного конфликта от границ своей территории и максимальном приближении военных сил к границам территории своего вероятного противника. Такая политика при современных военных технологиях делает ареной противостояния больших государств весь мир, создает основу для манипулирования интересами малых стран. Она прикрывается демагогией в защиту высших ценностей человечества, а на самом деле направлена против этих ценностей, против самого существования человечества. Малые страны, по существу, становятся разменной монетой в отношениях между большими странами.

Не слишком ли много внимания в статье уделяется конфронтационной политике Запада? Нет. Запад наступает, Восток обороняется. Область западных (в первую очередь, американских) интересов, как и их военных баз, охватывает весь мир. Запад после поражения Советского Союза охватила эйфория близости победы во всемирном масштабе. Развернулось массированное и агрессивное продвижение западного образа мысли, чувств и культуры в восточные страны, население которых не горит желанием становиться западными людьми. Но если Запад, по мнению его адептов, непременно победит Восток и в мирном соревновании, то зачем форсировать этот процесс? У видного российского писателя Ю. Трифонова есть роман о террористической борьбе народовольцев с самодержавием под названием «Нетерпение». Не охватило ли такое же нетерпение ведущих деятелей западных стран? Кстати, за свое нетерпение в конце XIX – начале XX века россияне дорого заплатили в XX столетии.

Кризис, начавшийся в 2008 году, лишь обостряет рассматриваемое противостояние: в то время как Запад допустил снижение объема производства, Восток в лице ведущих стран – Китая, Индии, Бразилии и допустившей временное падение производства России – продолжает наращивать свою экономическую мощь. Эти процессы стали основанием мнения о том, что мировой экономический центр начал перемещаться с Запада на Восток [4]. Среди защитников западной цивилизации распространено предположение о постоянном военно-технологическом преимуществе Запада над Востоком. Но в конфронтационных условиях, как показывает опыт Советского Союза, на Востоке всегда найдутся талантливые люди, которые могут опередить западных ученых-изобретателей в создании оружия, и это опережение может стать роковым для Запада и всего человечества.

К сожалению, продолжает расширяться круг государств, владеющих ядерным оружием. Сейчас им обладают: США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан, Северная Корея и Израиль. Конечно, глобальная ядерная война с исчезновением мировой системы социализма отодвинута. Но и региональная ядерная война обладает огромным разрушительным потенциалом. Более того, договоры о сокращении ядерных вооружений стали жизненно важными после создания концепции «ядерной зимы». Согласно этой концепции, нанесение ядерного удара по крупным городам вызывает подъем в атмосферу огромного количества пепла и сажи, которые перекрывают доступ солнечной энергии к поверхности Земли. Поскольку атмосфера нагревается от поверхности Земли, произойдет резкое и длительное снижение температуры воздуха. Группой К. Сагана проведены расчеты для двух «предельных сценариев»: «жесткого» (суммарная мощность взрывов 10 000 мегатонн) и «мягкого» (100 мегатонн). В первом случае используется примерно 75% суммарного потенциала ядерных держав. Это всеобщая ядерная война, первичные, немедленные последствия которой характеризуются огромными масштабами гибели и разрушений. Во втором сценарии «расходуется» менее 1% имеющегося в мире ядерного арсенала.

При жёстком сценарии на 40-й день после обмена ядерными ударами падение температуры в Северном полушарии составляет в среднем 12,9° Цельсия. В отдельных районах оно будет очень большим: на Аляске и в центральных районах Северной Америки – 36°, на восточном побережье Северной Америки – 40°, в Центральной Европе – 51°, на Кольском полуострове – 56° Цельсия. В низких широтах самое большое похолодание наблюдается на Аравийском полуострове – 51 градус. На 243-й день температура несколько повысится, но на северо-востоке Америки она все еще будет на 32° ниже среднегодовой, в Центральной Европе – на 30°, на Аравийском полуострове – на 24°, в Центральной Африке – на 10°. При жестком сценарии в результате «ядерной зимы» и «ядерной ночи» должны погибнуть почти все млекопитающие, практически все птицы, до 80% деревьев. При мягком сценарии через месяц после обмена ядерными ударами падение температуры примерно на десять градусов меньше, чем при жестком сценарии. «Ядерная зима» наступает на несколько лет при обоих сценариях. Таким образом, «критическая точка», после которой начинаются необратимые катастрофические изменения биосферы и климата Земли, уже определена: «ядерный порог», как отмечалось, очень невысок – 100 мегатонн [3].

Проблема в том, что между странами существуют напряженные, а то и конфликтные отношения: например, между Ираном и Израилем, Пакистаном и Индией, Китаем и Индией, Японией и т.д. Наиболее острый конфликт существует между Израилем и его арабским окружением, Ираном. К сожалению, нет никаких

препятствий для расширения списка ядерных стран, в частности, за счет Ирана, о стремлении которого к ядерному оружию ходит столько разговоров. Но тогда потенциальный ядерный конфликт между Ираном и Израилем может превратиться в реальность, и всем мало не покажется. «Ястребов» как со стороны Ирана, так и со стороны Израиля на реализацию этого безумия, к сожалению, может хватить.

Таким образом, в случае ядерного конфликта социально-социальная глобальная угроза совпадает с социально-природной глобальной угрозой. Но кроме нее появилась и независимая от ядерного конфликта *социально-природная* группа глобальных экологических угроз. Во второй половине XX века массовое промышленное производство достигло планетарных масштабов и стало нарушать социально-природное равновесие. Технократическое развитие цивилизации, мощное индустриальное давление на национальные экосистемы и биосферу в целом создали угрозу существованию человеческого рода. Возможности природы, компенсирующие производственное вмешательство в природные процессы, становятся недостаточными. Переход через границу допустимого вмешательства в развитие экосистем приближает период неожиданных, локально и глобально разрушающих равновесие колебаний в системе «общество – природа».

Даже в сугубо мирной ипостаси научно-технический прогресс несет в себе глобальную экологическую угрозу существованию человечества. Развитие техники ведет к тому, что в руках технических специалистов сосредотачивается все большее количество энергии. Это постоянно увеличивает опасность случайной катастрофы все больших масштабов. Во времена чернобыльской катастрофы в мире было около ста крупных атомных электростанций, следовательно, в руках десятков тысяч технических специалистов были опасные для жителей производственные мощности. Через сотню-другую лет в результате неуклонного научно-технического прогресса в руках десятков тысяч специалистов будут опасные для миллионов жителей промышленные мощности. Через пятьсот-тысячу лет – для землян в целом!

Другая глобальная экологическая угроза связана с происходящим на наших глазах изменением климата, в том числе глобальным потеплением. Глобальное потепление – это загрязнение воздуха парниковыми газами (углекислым газом и метаном). Точка *невозврата* будет пройдена при повышении средней температуры на Земле на 4° Цельсия. Точка невозврата означает точку, при прохождении которой инерция движения станет такой большой, что любые усилия по радикальному изменению направления движения не будут способны изменить его траекторию, а будут способны только отдалить неизбежный отрицательный результат. По оценкам ученых, это произойдет в 2070 году, но если выбросы углекислого газа останутся на нынешнем уровне, то – в 2055 г. Почему речь идет о глобальном потеплении именно на 4 градуса? Дело в том, что именно при такой температуре вечная мерзлота и воды океана начнут выпускать в атмосферу парниковые газы, и процесс потепления станет необратимым. На Северном полюсе тогда будет 15-градусное потепление, уровень мирового океана повысится на 140 см, что повлечет затопление многих крупных портовых городов: Шанхая, Токио, Лондона, Амстердама и других. 200 миллионов человек рискуют остаться без крыши над головой. Появятся десятки миллионов экологических беженцев.

Кроме того, потепление среднемировой температуры всего на 4 градуса грозит исчезновением большей части тропических амазонских лесов; сильнейшие засухи в одних регионах будут сопровождаться ливнями в других регионах планеты, что особенно ударит по сельскому хозяйству в развивающихся странах. Глобальное потепление приведет к увеличению энергии в атмосфере и гидросфере, что, в свою очередь, вызовет рост количества и мощи ураганов, наводнений и торнадо, рост числа погибших и пострадавших, материального ущерба [11]. И это – следствия лишь одной из уже существующих отрицательных глобальных тенденций – тенденции изменения климата.

Современный экологический кризис – результат индустриального развития стран Запада, высокого жизненного уровня этого «золотого миллиарда» человек. Но помимо «золотого миллиарда» существует еще 6 миллиардов человек, которые хотят материально жить так же хорошо, как живут на Западе. Сейчас на мировые политические и экономические процессы оказывает существенное влияние группа из 7 стран: США, Японии, Германии, Франции, Великобритании, Италии и Канады. Но экономический рост в них составляет всего 1-3% в год. В последнее время появилась группа стран под названием БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай); недавно к ним присоединилась Южно-Африканская республика. К середине XXI столетия семь ведущих развивающихся стран – Китай, Россия, Бразилия, Индия, Мексика, Турция и Индонезия – превзойдут по экономическому потенциалу страны нынешней «семерки» [10]. А ведь кроме них быстро развиваются Нигерия, Вьетнам, Египет, Таиланд, Малайзия и другие страны.

Новым экономическо-политическим лидером восточной цивилизации является Китай, готовый в десять-пятнадцать ближайших лет обойти США по размерам экономического потенциала и распространяющий свое социально-экономическое влияние на Азию, Африку, Латинскую Америку и даже на Западную Европу. В классической западной социальной теории *экономическая и политическая либерализация* образует два необходимых условия эффективного и быстрого экономического и социального развития. «Но китайский подъем и способность сочетать постепенное открытие экономики, огромный государственный сектор и авторитарные методы управления разорвали естественную связь приведенных выше понятий либерализации. В развивающихся странах… правящие круги утверждают, что они должны следовать китайской модели, то есть проводить в первую очередь экономические реформы и затем осуществлять политические преобразования» [8, с. 154]. Государственный капитализм Китая становится альтернативным и более приемлемым образцом подражания для развивающихся стран, чем западная модель общества [Там же, с. 191-192, 207-208]. Здесь самое время снова обратиться к победе Запада над Советским Союзом. Такая ли это безоговорочная победа? Во-первых, прочная победа была одержана только в некоторых странах восточной Европы да странах Балтии. Во-вторых, на смену повергнутому Советскому Союзу пришел Китай и исламский мир. Либеральная эйфория

по поводу прокатившихся по арабскому миру волнений сходит на нет. Многие начинают понимать, что смена политического режима вовсе не означает автоматической замены восточного общества западным. Гораздо чаще происходит смена одного восточного режима другим, видоизмененным восточным режимом, даже с помощью американской армии, например в Ираке, политический режим которого сторонники вест-глобализации обвиняют в нарушении прав человека. Восточное общество оказалось похожим на Змея Горыныча из русской сказки: только отрубишь ему одну голову, как на ее месте вырастает новая голова.

Проблема, однако, в том, что быстрый экономический рост развивающихся стран вызывает необходимость в стремительном увеличении потребления энергоресурсов, которые повышают количество парниковых газов в атмосфере, способствуя глобальному потеплению с перечисленными ранее отрицательными последствиями. Нельзя сказать, что мировое сообщество сидит, сложа руки. В декабре 1997 года в Киото был принят протокол, согласно которому 38 развитых стран обязуются за 2008-2012 годы сократить выбросы углекислого газа на 5 процентов по отношению к 1990 году. Китай и Индия обязательств на себя по сокращению выбросов парниковых газов не брали, а США его подписали, но не ратифицировали. По мнению же экспертов, до 2020 года необходимо снизить общемировой выброс парниковых газов в атмосферу на 20-40% по отношению к 1990 году.

В декабре 2009 года в Копенгагене под эгидой ООН состоялась встреча по разработке нового климатического соглашения. На этой встрече самые богатые страны совместно подготовили проект соглашения, так называемый Датский текст, в котором предложили решать мировую экологическую проблему за счет развивающихся стран. В нем говорится, что развитые государства смогут осуществлять вдвое больше выбросов парниковых газов в атмосферу, чем развивающиеся. Так, по сведениям британской газеты «Гардиан», предполагалось, что бедным странам будет позволено до 2050 года произвести более 1,44 тонны парниковых газов на душу населения, в то время как для богатых государств этот показатель будет составлять 2,67 тонны. В результате обязывающее все страны соглашение не было принято. Неудача Копенгагенской встречи обойдется мировой экономике в 500 миллиардов долларов в год на то, чтобы ликвидировать отставание и удерживать потепление в пределах двух градусов.

Промежуточный результат был достигнут в декабре 2011 года на конференции ООН в Дурбане. Участники конференции приняли основополагающее решение по организации дальнейших действий: к 2015 году будет подготовлено новое глобальное соглашение. Оно будет действовать с 2020 года, а до этого момента большинство стран будут участвовать во втором периоде Киотского протокола. Однако численные параметры действий (уровни снижения выбросов парниковых газов), увы, остались неизменными и слишком слабыми, считает Всемирный фонд дикой природы (WWF) [7; 15].

Развитым странам западной цивилизации и развивающимся странам восточной цивилизации трудно договориться, потому что первым нужны огромные инвестиции в экологическое преобразование промышленности, что связано с понижением уровня жизни населения, а вторым необходима энергия для достижения жизненного уровня развитых стран. Итак, на одной чаше весов находятся эгоистические социально-экономические интересы западных и восточных стран, на другой чаше весов – вопрос о том, будем ли мы жить в XXII веке. С одной стороны, над существованием человечества нависла реальная угроза гибели, с другой стороны, социально-практическая реальность опровергла конкурирующие друг с другом марксистские, формационные, и немарксистские, цивилизационно-культурные, представления об обществе.

Особенностью нынешней ситуации является то, что обострение как социально-социальных, так и социально-природных глобальных проблем поставило нас перед решающей точкой бифуркации: движения человечества к аттрактору дальнейшего его существования и развития либо к аттрактору общего конца, холоциду, полному уничтожению макроформ жизни, после которого на Земле останутся только микроорганизмы. Начинать решать эти глобальные проблемы нужно с социально-социальных проблем, ибо для решения социально-природных глобальных проблем необходимо достижение экологического согласия ведущих стран западной и восточной цивилизаций. А какое же между ними может быть согласие, когда то одна, то другая «ущемляет» интересы противоположной стороны? И главное – нужно достичь существенного продвижения в решении этих проблем в ближайшие десятилетия *до* прохождения *точки невозврата* как в социально-социальной, так и в социально-природной области. В случае же прохождения *точки невозврата* человечество попадает в сферу «тяготения» летального аттрактора, исключающего его существование.

К сожалению, приведенные выше данные говорят о том, что пока человечество движется по направлению к летальному аттрактору как в социально-социальной, так и в социально-природной глобальной сфере. Рассмотрим альтернативную траекторию его движения и условия ее реализации. Чтобы понять явление глобальных проблем, стоит предварительно взглянуть на их истоки. Представляется, что решающий шаг в сторону движения к глобальным экологическим проблемам был сделан в эпоху Ренессанса. Именно тогда началось формирование понятия идеи неограниченного и бесконечного прогресса в социальном знании и реальности, которая была закреплена в просветительской и марксистской философии Нового времени. Как мы видим в настоящее время, неограниченное и бесконечное развитие техники и промышленности приблизилось к пределам воспроизводимости природных условий, необходимых для существования человеческого рода. В этих обстоятельствах, на наш взгляд, настало время *отказаться* от идеи неограниченности экстенсивного прогресса. Бесконечный же прогресс возможен, но в интенсивной, *не нарушающей* принцип равновесия общества с самим собой и природой форме.

Конкретизируем идею ограниченной бесконечности социального и социально-природного совместного развития в модели коэволюционного «коридора», за пределами которого находится смертельная для существования человечества зона. Коэволюционный «коридор», витальное пространство человечества в поперечном разрезе образует в одной половине социально-социальная полуось, с другой стороны – социально-природная полуось. Каждая полуось состоит из экстремальной, медиальной и центральной областей, соединенных друг

с другом своими центральными областями так, что экстремальными областями они соприкасаются со «стенами» коэволюционного «коридора». Таким образом, поперечная его структура образует *коэволюционный спектр*: экстремальная, медиальная, центральная, медиальная и экстремальная области.

В этом, как мы видели выше, постепенно сужающемся коэволюционном «коридоре» и будет, в лучшем случае, проходить *волнообразное* движение дальнейшего существования и развития человечества. Причем содержание экстремальных областей совпадает, соответственно, с областями напряженных социально-социальных и социально-природных отношений, чреватых для человечества смертельными последствиями. Внутри экстремальных областей находятся точки невозврата. В настоящее время волна существования человечества распространилась на социально-социальную и социально-природную экстремальную области коэволюционного спектра, опасно приблизилась к находящимся там точкам невозврата.

Жизненно важная цель заключается в возврате экзистенциально-эволюционной *волны* человеческого бытия в *оптимальную*, центрально-медиальную спектральную зону коэволюционного «коридора», объединяющего гуманитарные, человеческие отношения Запада с Востоком и экологические, равновесные отношения общества с природой. Жизненно важная задача состоит в *экогуманитарном повороте* человечества с потенциально смертельного пути развития на сохраняющий и общество, и природу *ограниченно коэволюционный путь*. Экогуманитарному повороту противостоит инерция *до*коэволюционного социального мышления, *до*коэволюционного стремления сохранить или, наоборот, завоевать *сверх*доминантное положение в мире, непременно стать сверхдержавой. В условиях существования оружия массового поражения такое мышление и стремление с обеих сторон приведут все человечество к исторически быстрому летальному концу.

В первую очередь это касается *пока* более мощного в интеллектуальном, экономическом и военном отношении Запада. Наступление Запада ведется под идеологический аккомпанемент борьбы за права человека. Борьба за права человека сыграла важную роль в борьбе нарождающейся западной цивилизации с феодализмом, в борьбе с феодальными пережитками в западных странах. Присмотримся к смыслу термина «права человека». Во-первых, речь идет об *индивидуальных* правах человека; во-вторых – о *политических* правах человека. При господстве товарно-денежных отношений индивидуальные и политические права человека являются *необходимым* условием неограниченной свободы предпринимательской деятельности, неограниченной погони за максимальной прибылью, которая неизбежно приводит к глобальным социальным и экологическим угрозам существованию человечества. Тезис о политическом равенстве людей, политических правах является сильным оружием против деспотизма политической структуры восточных стран. Но почему права человека трактуются так узко, затрагивая только индивидуальную и политическую область? Разве не существуют экономические права людей? Нам говорят – нет. Есть только равенство экономических возможностей. О каком практическом равенстве экономических возможностей для человека из бедной и человека из богатой предпринимательской семьи можно говорить? О каком равенстве политических прав можно говорить в тех же США, когда выборные кампании в Конгресс стоят огромные деньги, а президентские выборные кампании – астрономические деньги?

Мы хорошо понимаем необходимость ограниченного экономического неравенства, побуждающего людей работать, и необходимость предпринимателей, экономически обеспечивающих научно-технический прогресс, но мы понимаем и то, что именно чрезмерная социально-экономическая дифференциация в реформирующихся *по-западному* восточных странах вызывает в них массовую ненависть к навязываемой организации общества и стремление к возврату прежнего, восточного, социального порядка. Даже в экономически самом успешном Китае «опросы общественного мнения показывают, что их (*прозападных экономистов и их идей – А. А.*) популярность среди населения никогда не была столь низкой, как в настоящее время» [8, с. 39]. Возврат к прежнему порядку, скорее всего, и произойдет в процессе так страстно желаемых Западом социально-политических перемен в этих странах. Мы хорошо понимаем необходимость как ограниченного экономического, так и ограниченного политического неравенства, предохраняющего общество от губительной анархии, но тогда *коэволюционный вред* наносит человечеству не само по себе экономическое или политическое неравенство, а *чрезмерные* их состояния.

В наступившую коэволюционную эпоху тактические действия должны быть подчинены *стратегии спасения* всечеловеческой цивилизации. В этом смысле любые односторонние, западные или восточные, действия антикоэволюционны, потенциально холоцидны. Например, Запад силой отторгает Косово от Сербии или меняет правительство в Ираке или Ливии. Это вызывает в одних странах Востока меры по усилению оборонного потенциала и желание нанести ответный удар, в других восточных странах увеличивает стремление в оборонительных целях обзавестись собственным ядерным оружием. То же самое происходит при односторонних действиях крупных восточных государств. В результате тех и других действий все мы в два раза быстрее движемся к концу. Конфронтационная игра в эпоху глобальных угроз – это игра с отрицательной суммой. Оборотной стороной локальных побед непременно будет глобальное поражение. Поэтому пришло время сформулировать ***экогуманитарный, коэволюционно-императивный вопрос***, *который необходимо задавать себе* ***перед любым*** *значимым действием: станет ли после него мир безопаснее? И предпринимать действие только тогда, когда размышление даст* ***положительный*** *ответ на этот, жизненно важный для всех и каждого, вопрос.*

Почему мы говорим чаще о Западе, а не о Востоке? Потому что Запад *пока* сильнее Востока в экономической, политической, военной и интеллектуальной области. Но историческая фортуна изменчива. Сначала США были колонией Британии, теперь Британия – младший союзник США. Экономическая, следовательно, и военная мощь переходит с Запада на Восток, и к концу нынешнего столетия, если не изменится конфронтационное мышление и деятельность, ведущие страны Запада могут оказаться в окружении военных баз ведущих стран Востока. Неужели в этом эффекте заключается конечная цель локально односторонних действий Запада? В атмосфере же глобального противостояния – одна искра – и нет ни Запада, ни Востока.

Что же делать? Нужно переходить от конфронтационного политического, экономического, информационного мышления и действий к *коэволюционному мышлению и гуманитарно-экологическим, коэволюционным действиям*. От успешности этого перехода зависит спасение человечества. Американский исследователь Э. Басевич во избежание всеобщей катастрофы предлагает:

- «Обговорить “рамки”, которые будут ограничивать прерогативы великих держав – в том числе наши собственные прерогативы – в XXI веке. В частности, речь идет и об ограничениях на применение силы.
- Установить нормы, которые будут регулировать борьбу за истощающиеся природные ресурсы.
- Сократить вооружение и обуздать торговлю оружием, чтобы сделать менее доступной военную технику, позволяющую продолжать разгоревшиеся войны.
- Сфокусировать усилия дипломатии на проблемных точках, события в которых могут привести к столкновению великих держав. В число таких точек входят, среди прочего, Тайвань, Кашмир, корейская 38-я параллель и, разумеется, Палестинские территории» [1].

На наш взгляд, к этому стоит добавить следующее.

1. Разработка и массовое распространение *коэволюционного* мировоззрения, формирование *коэволюционного* менталитета во всех землянах.

2. Введение *коэволюционных* законодательных ограничений на *все* виды экстремистской и экстремальной деятельности как в международной, так и внутренней жизни государств и мер по их пресечению. Только тогда можно приступить к согласованному решению социально-природных глобальных проблем.

К сожалению, обращения России к НАТО с предложением отказаться от политики взаимного сдерживания и сменить формат отношений на эффективное противодействие проблемам в сфере безопасности не находят поддержки на Западе. Ну, что ж, тем ближе конец света. Быть может, молчание космоса говорит о ничтожно малом числе инопланетных разумных цивилизаций, преодолевших барьер, стоящий на пути к эко-гуманитарной коэволюционной цивилизации.

Список литературы

1. **Басевич Э.** Сформировать новый мировой порядок [Электронный ресурс]. URL: http://www.inosmi.ru/usa/20110817/173472918.html (дата обращения: 24.08.2011).
2. **Блок А. А.** Возмездие // Блок А. А. Сочинения: в 8-ми т. М. – Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960-1963. Т. 3. 714 с.
3. **Будыко М. И., Голицын Г. С., Израэль Ю. А.** Глобальные климатические катастрофы. М.: Гидрометеоиздат, 1986. 159 с.
4. **Восток поднялся на кризисе: экономическому доминированию Запада приходит конец** [Электронный ресурс]. URL: http://www.foodnewsweek.ru/print.php?PN=doct.php&dout=text&dsubj=38&dtype=4&nid=32522 (дата обращения: 24.08.2011).
5. **Ильин В. В.** Философия истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 380 с.
6. **Кемеров В. Е.** Введение в социальную философию. М.: Академический проект, 2001. 314 с.
7. **Климатическая конференция в Дурбане, итоги** [Электронный ресурс]. URL: http://sreda.uz/index.php?newsid=710 (дата обращения: 03.01.2012).
8. **Леонард М.** О чем думают в Китае. М.: АСТ; АСТ-МОСКВА, 2009. 222 с.
9. **Маркс К.** Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. Т. 46. Ч. 1. 560 с.
10. **Мир 2050 глазами аналитиков *Price Waterhouse Coopers*** [Электронный ресурс]. URL: http:// www.finansy.ru/t/page_obz_1.html (дата обращения: 24.08.2011).
11. **Планета Земля идет к точке невозврата** [Электронный ресурс]. URL: http://www.mysteryplanet.ru/publ/kataklizmy/planeta_zemlja_idet_k_tochke_nevozvrata/12-1-0-84 (дата обращения: 24.08.2011).
12. **Полиция: исламисты готовили нападение на датскую газету** [Электронный ресурс]. URL: http://www.inosmi/ru/europa/20101230/165313513.html (дата обращения: 24.08.2011).
13. **Робертс П. К.** Мы хотим свергнуть Каддафи и Асада, чтобы выгнать Россию и Китай из Средиземноморья [Электронный ресурс]. URL: http://www.apn-spb.ru/opinions/article8614.html (дата обращения: 24.08.2011).
14. **Ситарам К. С., Колделл Р. Т.** Основы межкультурной коммуникации // Человек. 1992. № 2. С. 51-64; № 3. С. 60-68; № 4. С. 106-115.
15. **Терехов А.** Очень дорогой климат [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/world/2009-12-10/6_sammit.html?insidedoc (дата обращения: 24.08.2011).
16. **Эскобар П.** Что в действительности поставлено на карту в Ливии [Электронный ресурс]. URL: http://www/inosmi.ru/Africa/20110630/171383305.html (дата обращения: 24.08.2011).
17. **Ядерная зима: конец света** [Электронный ресурс]. URL: http://www.apocalipsys.org.ua/archives/18 (дата обращения: 24.08.2011).

ECO-CLASSICAL “TURN” TO CO-EVOLUTIONARY CIVILIZATION

Aleksandr Nikolaevich Avdonin, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
Ufa State Oil Technical University
anavdonin@mail.ru

The author studies social-social and social-natural global problems of our times, basing on the interaction of Western and Eastern civilizations, and suggests the spectral-wave model of transition to co-evolutionary global community.

Key words and phrases: Western and Eastern civilizations; co-evolutionary “corridor”; spectrum and wave; spectral-wave model of modern historical process; eco-classical, co-evolutionary-imperative question; eco-classical co-evolutionary society.